

основы структурно-семантического метода исследования синтаксиса. Этот метод является сейчас наиболее популярным среди исследователей синтаксиса современного русского языка [5, с. 247].

Итак, мы выяснили, что между сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями возможны синонимические отношения:

- при взаимозаменяемости синтаксических моделей в одинаковом синтаксическом окружении;
- при полной тождественности смыслового значения различных по строению моделей;
- при выполнении моделями в структуре предложения одних и тех же синтаксических функций;
- при общности структурного строения моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канке В. А. Основы философии. – М. : Логос, 2005. – 287 с.
2. Алиференко Г. В. Теория языка. – М. : Академия, 2007. – 232 с.
3. Виноградов В. В. Грамматика русского языка. Ч. 1. Синтаксис. – М. : Наука, 1975. – 559 с.
4. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. – М.–Л., 1935. – 360 с.
5. Лекант П. А. Современный русский литературный язык. – М. : Высшая школа, 1982. – 448 с.

УДК 122/129 + 008

ЗНАЧЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СЕМИОТИКИ КУЛЬТУРЫ

В. Г. Новосёлов (Новосибирск)

Данная статья посвящена семиотическому анализу понятий «значение» и «интерпретация», на основании которого делается вывод: знак может отображать реальность только в процессе человеческой деятельности. Значение знака есть способ его употребления и интерпретации. С точки зрения теории означивания интерпретанты – это проверяемые и описуемые соответствия, ассоциируемые с другим знаком. Таким образом, анализ содержания становится культурно-обусловленной операцией, которая осуществляется лишь с физически проверяемыми (воспринимаемыми) продуктами культуры, то есть с другими знаками и их взаимными корреляциями. Процесс неограниченного семиозиса показывает, как означивание, постоянно соотнося один знак с другим или с рядом других знаков, обрисовывает элементы культуры.

Ключевые слова: знак, значение, референция, смысл, интерпретант, обозначение, означивание.

Новосёлов Виктор Геннадьевич – ассистент кафедры философии факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: viktor-novoselov@yandex.ru

DENOTATION AND INTERPRETATION IN A CONTEXT OF SEMIOTICS OF CULTURE

V. G. Novoselov (Novosibirsk)

This article is devoted to the semiotic analysis of the concepts of «denotation» and «interpretation». On the basis of the analysis, the conclusion is made that the sign can display reality only in the course of human activity. Denotation of the sign is a way of its usage and interpretation. From the point of view of the denotation theory, the interpretants are verifiable and describable correspondences associated with another sign. Thus, the content analysis becomes a culture-conditioned operation which is carried out only with the physically verifiable (perceived) products of culture, i. e. with other signs and their mutual correlations. The process of unlimited semiosis shows how denotation, constantly correlating one sign with another or with a number of other signs, depicts the culture elements.

Key words: *sign, denotation, reference, meaning, interpretant, denoting, signification.*

Для того чтобы понять знак, необходимо его интерпретировать. Интерпретация знака – это операция, достигаемая при замене исходного знака другим знаком или набором знаков. Значение любого знака, в частности слова, неопределимо без обращения к вербальному коду. К тому же никакие отсылки к объектам не могут объяснить феномен значения, хотя и могут помочь установить отдельное значение имени. Кардинальное свойство знака – передавать значение – может быть сведено к понятию интерпретируемости или же переводимости знака, то есть к возможности представить его содержание другими, более эксплицитными, развернутыми знаками.

Знаковая функция соотносит данное выражение с данным содержанием. Содержание определяется культурой вне зависимости от того, согласуется оно или нет с данным состоянием мира. Например, слово «единорог» – такой же знак, как и слово «собака». Возможность говорить о каждом из этих знаков обеспечивается определенными указательными приемами, хотя о собаке можно говорить как об индивидуально существующем объекте, а о единороге – нельзя. То же относится и к образам собаки и единорога. Те образы, которые в семиотике называются изобразительными, или иконическими, знаками (iconic signs) также суть выражения, соотносенные с неким содержанием. Если они обладают свойствами чего-то (или подобны чему-то), то это что-то – не объект в мире или состояние мира, на который (которое) можно указать, но некое структурированное и аналитически организованное содержание. Образ (image) единорога не подобен «реальному» единорогу; мы узнаем его не благодаря нашему опыту восприятия «реальных» единорогов, но потому, что он имеет черты, входящие в определение единорога, выработанное данной культурой в рамках конкретной системы содержаний. То же можно сказать и об указательных приемах.

Согласно У. Эко, самодостаточность универсума содержания, предоставляемого данной культурой, объясняет, почему знаками можно пользоваться так, чтобы посредством их говорить неправду. «О знаковой функции мы вправе говорить тогда, когда нечто можно использовать для того, чтобы лгать (и, следовательно, для разработки идеологий, для создания произведений искусства и т. д.). То, что называется знаком (то есть то, что для кого-то выступает вместо чего-то иного в некоем отношении или качестве), является таковым лишь потому, что мы можем использовать знак для отсылки к фиктивному состоянию мира. Даже указатель можно подделать так, чтобы он обозначал событие, которое не имело места и в действительности никогда не порождало свой предполагаемый знак. Знаки можно использовать для того, чтобы лгать, потому что они отсылают к объектам или состояниям мира лишь опосредованно. Непосредственно они отсылают лишь к определенному содержанию. Таким образом, можно сказать, что отношение между *signifiant* и *signifie* (или между знаком-носителем значения и означаемым, или между знаком и его значением) автономно и не требует наличия некоего обозначаемого объекта как элемента своего определения. Поэтому возможно разработать теорию означивания (*a theory of signification*) на основе чисто интенциональной семантики. При этом нельзя сказать, что у экстенциональной семантики нет никакой функции. Напротив, она контролирует соотношение между знаковой функцией (*a sign-function*) и данным состоянием мира, когда знаки используются для того, чтобы говорить или упоминать о чем-то. Но любая экстенциональная семантика может быть разработана (и процедуры высказывания или упоминания о чем-то могут быть обеспечены) только потому, что интенциональная семантика возможна как самодостаточный культурный конструкт (то есть как код или система кодов)» [2, с. 25].

Ч. С. Пирс вводит различие между знаком (*sign*) и репрезентаменом (*representamen*). Когда он говорит, что использует слова «*sign*» и «*representamen*» по-разному, он, очевидно, имеет в виду, что *sign* – это некоторый токен, нечто конкретное, произнесенное – конкретное вхождение выражения, используемое в конкретном процессе коммуникации и/или референции, тогда как *representamen* – это тип (*the type*), которому данный код приписывает определенное содержание посредством определенных интерпретантов. Пирс пишет: «Под знаком я понимаю все, что любым способом передает любое определенное понятие (*notion*) о некоем объекте, поскольку мы знаем такие передатчики мысли именно под этим названием. И вот я начинаю с этой знакомой идеи и произвожу как можно лучший анализ того, что существенно для знака, и [затем] я определяю репрезентамен как все то, что подходит под этот анализ <...> В частности, все знаки передают понятия человеческим сознаниям; но я не вижу причины, почему это должно быть верно для всех репрезентаменов» [4, с. 136]. Эко комментирует этот отрывок как предположение о различии между теорией обозначения (сигнификации) и теорией коммуникации. Репрезентамены – это типовые выражения, соотносимые в данной культуре с тем или иным типовым содержанием, вне зависимости от того, используются ли они для действительной коммуникации кого-то с кем-то. В этом смысле значение в своем первичном понимании есть пере-

вод знака в другую систему знаков, а значение данного знака есть тот знак, в который данный знак должен быть переведен. Таким образом, интерпретация посредством интерпретантов – это способ, которым знак манифестируется (проявляется) как значение.

Интерпретант – это то, что знак порождает в интерпретаторе, но, поскольку наличие интерпретатора не входит существенной частью в определение интерпретанта, этот последний должен рассматриваться прежде всего как интерпретант, открывающийся в правильном понимании самого знака и обычно называемый значением (the meaning) знака.

Итак, различаясь как формальные объекты различных семиотических подходов и как рассматриваемые с различных точек зрения, значение и интерпретант – это, по сути дела, одно и то же, поскольку невозможно определить значение иначе, чем как ряд интерпретантов.

Однако, подчеркивает Эко, интерпретант – это не только значение термина, но еще и результат умозаключения, выведенный из определенных посылок. Должны ли мы полагать, что интерпретант имеет более широкий и более сложный смысл, чем значение? Значение некоего высказывания, как и его интерпретант, не исчерпывают всех возможностей данного высказывания быть преобразованным в другие утверждения [2, с. 34].

Итак, значение каким-то образом вытекает из посылки. Еще более обобщая, можно сказать, что значение – это все, что семантически подразумевается знаком. Иначе говоря, согласно Пирсу, значение знака содержит в себе в зачаточной форме все те тексты, в которые данный знак может быть вставлен. Знак есть текстовая матрица.

Однако в таком случае понятие «значение» оказывается слишком широким. Оно прилагается не к отдельным терминам, а к посылкам и умозаключениям. Иными словами, теория значения и интерпретантов относится не только к умозаключениям, но и к отдельным терминам, и – в свете этой теории – содержание отдельного термина становится чем-то похожим на энциклопедию.

Таким образом, символ обозначает (denotes) нечто индивидуальное и означает (signifies) некое свойство, каковое свойство и есть общее значение. Различие между обозначением (denoting) и означиванием (signifying) связано с различием между экстенсионалом и интенсионалом, между шириной и глубиной, или же между денотатом и значением (meaning), то есть между отсылкой (референцией) к чему-то и означиванием чего-то. Понятие «глубина» связано с понятием «информация», которая есть мера предикации. И все эти понятия относятся не только к высказываниям и умозаключениям, но и к ремам, и к отдельным терминам.

Признаки данного термина включают в себя всю глубину другого термина, тем самым увеличивается содержательная определенность первого термина. Термин может иметь и необходимые, и случайные («акцидентные») признаки, которые составляют субстанциальную глубину термина. В этом смысле глубина термина (или его интенционал) – это сумма интенциональных или семантических признаков (помет), которые характеризуют его содержание [3, с. 129].

Совокупность семантических признаков (или помет) не может не разрастаться по мере роста нашего знания об объектах. Рема, подобно магни-

ту, притягивает к себе все те новые черты и признаки, которые процесс познания ей приписывает. Как пишет Пирс: «Каждый символ – это нечто живое, в самом прямом, отнюдь не фигуральном смысле. Тело символа меняется медленно, но его значение неизбежно растет, инкорпорируя новые элементы и отбрасывая старые» [2, с. 45]. Таким образом, термин сам по себе – это статья энциклопедии, содержащая все те характеристики, которые он приобретает с каждым новым общим высказыванием.

Следовательно, каждый термин – это зачаточное высказывание (каждая рема потенциально представляет собой дицисигнум, в который она может быть впоследствии вставлена. Значение логического термина – это рудиментарное утверждение, так же как высказывание – это рудиментарное умозаключение. В этом и состоит фундаментальный принцип интерпретации, то есть причина того, что каждый знак производит свои собственные интерпретанты. Термин – это рудиментарное высказывание, потому что он – пустая (в смысле: незаполненная) форма высказывания.

Таким образом, всякий знак интерпретирует другой знак, и основное (базовое) условие семиозиса – это именно отсылка от одного знака к другому, бесконечная регрессия. При таком подходе всякий интерпретант данного знака, будучи в свою очередь также знаком, становится временным метасемиотическим конструктом, выступающим (именно и только в данном случае) в качестве *explicans*'а по отношению к интерпретируемому *explicatum*'у, и, в свою очередь, может быть интерпретируемым другим знаком, который выступит по отношению к нему в качестве интерпретанта.

Бесконечность этого ряда, однако, могла бы сделать семантическую энциклопедию неосуществимой, вновь и вновь лишая попытки семантического анализа всякой надежды на успешное завершение. Но, по мнению Эко, у энциклопедии есть логический предел, сама она не может быть бесконечной: этот предел – универсум дискурса [2, с. 273].

Неограниченный универсум охватил бы всю область логически возможного. Наш дискурс редко соотносится с этим неограниченным универсумом: мы имеем в виду или физически возможное, или исторически существующее, или мир какого-нибудь художественного вымысла, или еще какой-нибудь ограниченный универсум.

Понятие «универсум дискурса» наряду с понятием «возможный мир» связывает проблему семантической репрезентации с проблемой контекстуальных предпочтений и открывает интересные перспективы в области современной теории знаковых систем.

Каким образом знак может отображать реальность, относящуюся к внешнему миру, если по природе вещей он на это не способен? Как возможно связывать знак с объектом, если для того, чтобы распознать объект, необходимо иметь прежний опыт его восприятия, а знак не обеспечивает ни знакомства, ни распознавания объекта? Это возможно только в процессе деятельности. Значение символа заключается в наборе действий, призванных произвести определенные ощутимые эффекты.

Знак, вызывая ряд непосредственных реакций (энергетических интерпретантов), постепенно создает некую привычку, некую регулярность поведения у интерпретатора (или пользователя) этого знака. Иными словами, соотношение между значением и репрезентантом приобретает

форму закона (закономерности); с другой стороны, понимать знак – значит (понимать и) знать, что необходимо делать, чтобы создать такую конкретную ситуацию, в которой можно обрести чувственный (перцептуальный) опыт того объекта, к которому отсылает данный знак.

Знак может произвести интерпретанты двух видов: эмоциональный и энергетический. При этом энергетическая реакция не требует интерпретации, скорее она создает (очевидно, при дальнейших повторениях) новую привычку. Иначе говоря, восприняв ряд знаков (и по-разному проинтерпретировав их), мы изменяем наше поведение, нашу деятельность в мире – навсегда или на время. В этой точке неограниченный семиозис приостанавливается (именно приостанавливается: остановка не конечна во временном, хронологическом смысле, потому что вся наша обыденная жизнь пронизана такими изменениями привычек). Обмен знаками приводит к изменению опыта; отсутствующее звено между семиозисом и физической реальностью как практическим действием найдено. Теория интерпретантов не идеалистична.

Понимать знак как правило (которое объясняется посредством ряда интерпретантов данного знака) – это значит приобрести привычку действовать согласно предписанию, исходящему от данного знака [4, с. 215].

Таким образом, действие, повторно совершаемое в ответ на данный знак, становится, в свою очередь, новым знаком, репрезентативом закона, интерпретирующим первый знак и кладущим начало новому и нескончаемому процессу интерпретации. Рассматриваемый в этой перспективе круг семиозиса замыкается в каждый миг – и не замыкается никогда. Система семиотических (знаковых, кодовых) систем, которая может показаться нереальным миром культуры, идеалистически отделенным от действительности, на самом деле побуждает людей воздействовать на мир; и каждое такое преобразующее мир воздействие, в свою очередь, всегда и непременно само превращается в новые знаки и кладет начало новому процессу семиозиса.

В последнее время многие теоретики семиотики отказались от попыток изучать значение, подставив вместо этого понятия понятие «референт». Резон заключается в том, что если хочешь четко различать содержание выражения и возможный объект этого выражения, то рискуешь попасть в путы ментализма или психологизма. Содержанием выражения тогда окажется то, что «странствует» в голове интерпретатора, получившего (то есть воспринявшего) данное выражение. Именно потому, что за подобным «странствованием» невозможно уследить, некоторые теоретики предпочли не иметь дело со значением. Но единственными альтернативами были или замена значения соответствующим состоянием мира (строго экстенциональная интерпретация согласно «новой теории референции»), или сведение значения к поведению, вызываемому знаком (согласно позднему Ч. Моррису). Однако, поскольку есть выражения, значение которых никак нельзя усмотреть через наблюдаемое поведение, бихевиористский критерий представляется весьма неудовлетворительным [1, с. 16].

В исследованиях по структурной и компонентной семантике был разработан метод чисто металингвистического описания содержания как

структурированной сети взаимоотнопротивопоставленных единиц, которые, будучи избирательно и иерархически организованы, образуют компонентный спектр данного предмета описания. Но являются ли эти компоненты всего лишь теоретическими конструктами? Конечно ли их число (образуют ли они конечное множество)? Являются ли компоненты словесного выражения, в свою очередь, словесными выражениями? Понятие «интерпретант» разрешает все эти проблемы.

Если репрезентативен отсылает к данному элементу содержания, а сам этот элемент состоит из более мелких и «более элементарных» единиц, то во всем этом можно разобраться лишь с помощью опосредующих знаков (знаков-посредников).

В контексте общей семиотической теории (которая рассматривает не только словесные выражения, но любые виды означивания [signification], а также отношения между различными системами) компонентный анализ словесного термина не должен ограничивать круг его интерпретантов одними лишь лингвистическими терминами.

Семантическая теория может анализировать содержание выражения различными способами:

а) подыскивая эквивалентное выражение в другой семиотической субстанции (слово «собака» – изображение собаки);

б) подыскивая все эквивалентные выражения в той же семиотической системе (синонимия);

в) указывая на возможность взаимного перевода между разными кодами, относящимися к одной и той же семиотической субстанции (перевод с одного языка на другой);

г) заменяя данное выражение более аналитическим определением;

д) перечисляя все эмоциональные коннотации, привычно связываемые с данным выражением в данной культуре и поэтому особым образом кодируемые (так, слово «лев» имеет коннотации «свирепость» и «лютость»).

Однако никакой семантический анализ не может быть полным, если он не анализирует словесные выражения посредством визуальных, предметных и поведенческих интерпретантов (и наоборот).

С точки зрения У. Эко, понятие «интерпретант» спасает категорию «содержание» (как и категорию «значение») от превращения в неуловимую платоновскую абстракцию или в «неуследимый» ментальный акт. Поскольку интерпретант отождествляется с любым закодированным и осознаваемым свойством содержания, а эти свойства могут быть идентифицированы лишь в виде других знаков (то есть других репрезентативов), элементы содержания становятся чем-то физически проверяемым. Каждая данная культура в любой сфере своей жизнедеятельности обнаруживает устоявшиеся соотношения (корреляции) между разными репрезентативами (или выражениями), так что каждый из них в своей черед становится интерпретантом другого.

Интерпретант – это не только то, что отождествляется с элементарными семантическими компонентами. На самом деле, понятие «интерпретант» гораздо богаче. Даже те усилия по производству умозаключений, на которые подвигает нас какая-нибудь фраза или целая книга, следует считать интерпретацией первоначального семиотического стимула.

С точки зрения теории означивания (*signification*) интерпретанты – это проверяемые и описуемые соответствия, ассоциируемые, по общему согласию, с другим знаком. Таким образом, анализ содержания становится культурно-обусловленной операцией, которая осуществляется лишь с физически проверяемыми (воспринимаемыми) продуктами культуры, то есть с другими знаками и их взаимными корреляциями. Процесс неограниченного семиозиса показывает нам, как означивание (*signification*), постоянно соотнося один знак с другим или с рядом других знаков, обрисовывает элементы культуры асимптотически, никогда не позволяя прикоснуться к ним непосредственно, но делая их доступными через посредничество других элементов. Так, мы никогда не обязаны замещать элемент культуры чем-то, что не есть семиотическая сущность, и никакой элемент культуры не должен быть объясняем через какую-либо платоновскую, психическую или предметную сущность. Семиозис объясняет себя сам: это постоянное круговращение есть нормальное условие означивания (*signification*), и оно (это круговращение) даже позволяет по ходу процессов коммуникации использовать знаки для того, чтобы говорить о предметах и состояниях мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев М. В., Черняк А. З. Стабильность языкового значения. – М., 1998. – 190 с.
2. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб., 2005. – 502 с.
3. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб., 2006. – 544 с.
4. Куайн У. В. О. Онтологическая относительность ; пер. А. А. Печёнкина // Современная философия науки. – М., 1996. – С. 40–61.